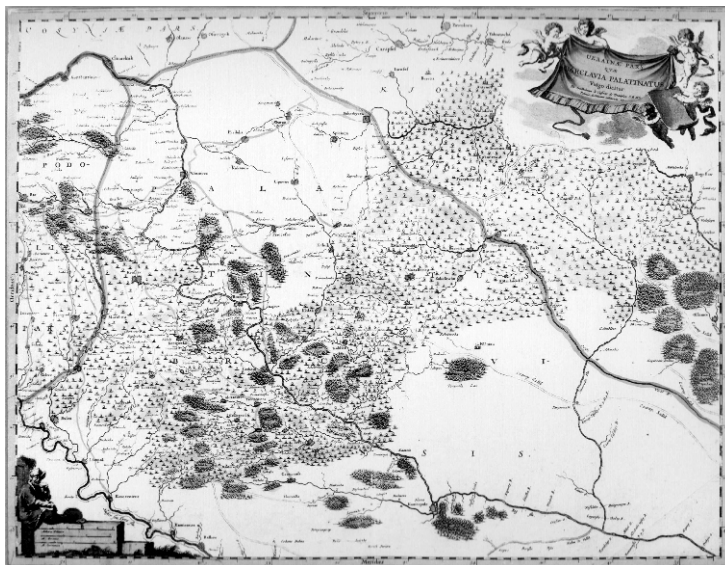

Розділ V
Обговорення

Татьяна Яковлева

УКРАИНА В XVII ВЕКЕ: РУИНА, РЕВОЛЮЦИЯ?

Прежде всего мне хотелось бы высказать искреннюю благодарность уважаемому украинскому коллеге пану Тарасу Чухлибу, внимательно ознакомившемуся с моей монографией и опубликовавшему рецензию-дискуссию объемом в 33 страницы¹. Лучшей наградой автору является именно полемика, инициированная появлением его книги, поэтому не могу не радоваться столь обширной рецензии и интересу, проявленному к моей работе. Позволю себе очень кратко остановиться на некоторых замечаниях, высказанных паном Чухлибом, и обращусь к предложенной им дискуссии о терминологии эпохи Гетманщины.

Хотя я вовсе не претендую на «казацкий характер» (комплимент, высказанный моим рецензентом), однако планирую в недалеком времени представить на суд общественности свою новую монографию — посвященную не 1667–1687 годам, как предположил мой коллега, но 1687–1709. Виной тому объективные обстоятельства, воля издательств. Что касается русского издания моих книг, то полагаю более разумным не просто опубликовать оригинал (такое пожелание высказал Т. Чухлиб), но уже переработанный текст, тем более, что со времени выхода в свет первой монографии (1998 год) мной было накоплено много нового материала.

Нет такой книги, которая не грешила бы отдельными недостатками, и моя, разумеется, не исключение. Многие упущения совершенно справедливо подмечены моим рецензентом и с благодарностью будут учтены в дальнейшей работе.

Красной линией среди критики, высказанной в мой адрес, проходит мысль о пробелах в знании историографии, прежде всего новейших работ моих коллег. Отчасти в этом есть рациональное зерно, вызванное такими объективными обстоятельствами, как почти полное отсутствие украинских изданий в российских

библиотеках. Автор предпринимает невероятные усилия, чтобы следить за всеми библиографическими новинками, выходящими в Украине. Тем не менее многие сборники, материалы конференций, публикующиеся минимальными тиражами, остаются неизвестными автору. Правда, позволю себе предположить, что вряд ли в небольших статьях содержатся принципиально отличные мысли от высказанных этими же авторами в их известных монографиях. С другой стороны, передо мной стояла непростая задача найти золотую середину, чтобы полемика с коллегами не превращала мою монографию в историографическое исследование и моя собственная концепция не тонула бы в споре с коллегами.

Пан Чухлиб весьма остро относится к моим заявлениям о том, что то или иное событие мало исследовано или описывается мной впервые. Но объективный взгляд на историографию показывает безусловный факт, что эпоха 60-х годов XVII века изучена гораздо меньше, чем 50-е годы или тем более период 1648–1654 гг. Полемизируя со мной, рецензент перечисляет целый ряд монографий (очень разных по своему научному уровню), которые, по его мнению, восполняют прерванную на этом периоде «Историю Украины-Руси» М. Грушевского (с. 486–487)². Но ни одна из этих монографий не содержит соизмеримой с Грушевским источниковой базы, не носит всеобъемлющего характера исследования. Точно так же несопоставимы по своему уровню монографии Н. Костомарова «Богдан Хмельницкий» и «Руина». Именно поэтому я и пишу, что 60-е годы по-прежнему нуждаются в дальнейшем исследовании.

Свой укор в незнании современных работ пан Чухлиб бросает мне, например, когда речь идет о русско-польских мирных переговорах³. Но дело в том, что никто из моих коллег в упомянутых п. Чухлибом работах (они мне хорошо известны) не использовал для изучения данного вопроса польские материалы Института Рукописей библиотеки им. Вернадского, дневник А. Храповицкого и ряд других источников, привлеченных мной в монографии. Соответственно, они не изучали переговоры как таковые (т. е. детальный ход обсуждения сторон), и их работы носят совершенно иной характер, чем сделанный мной анализ.

То же самое относится и к замечанию пана Чухлиба, что 60-е годы XVII века были изучены Г. Карповым, В. Эйнгорном и В. Горобцем (с. 479). Со времени выхода в свет работ первых двух авторов прошло более 150 лет, и они во многом устарели, а мой уважаемый украинский коллега пан Горобец в своей книге не рассматривает политическую борьбу на Левобережье. Что касается Чудновской битвы, то некоторые «известные» факты повторены мной умышленно, так как приводятся они в статьях малодоступных и редких, а моя монография была рассчитана на широкий круг читателя.

Значительно более принципиальное несогласие вызывает у меня вопрос о последствиях Андрусовского перемирия. Мой рецензент пишет весьма категорично, что это соглашение не решило судьбу Гетманщины как единого государства (с. 484.), так как П. Дорошенко, И. Брюховецкий и Д. Многогрешный не признавали русско-польского раздела территории Украины. Замечу, однако, что реалии Андрусовского соглашения признавали Речь Посполитая и Московское государство. Петр Дорошенко тоже прекрасно понимал важность юридического аспекта данного вопроса, потому и добивался от Польши уступки Правобережья по условиям Бучачского мира (дабы развязать Москве руки). С Андрусовскими границами в конечном счете были вынуждены согласиться и в Османской Порте, подписав Бахчисарайский мир, предтечу Вечного мира, утвердившего русско-польский раздел Украины.

Мне представляется исторически некорректным говорить о «правобережном гетманате» вплоть до 1712 года (с. 484.). Здесь явно идет смешение двух противоположных понятий — Войска Запорожского как государственно-административной системы управления, с одной стороны, и как казацкого войска — с другой. Можем ли мы говорить о государственной системе управления гетмана Могилы? Точно так же казацкое движение Семена Палия по своей сути было антогонизмом Гетманщины Ивана Мазепы (отсюда и их взаимная неприязнь). Между прочим, усилия Палия по сохранению казацкой вольности на Правобережье весьма сходны с более поздним гайдамацким движением в том же регионе, столь же мало связанным с государственными идеями Гетманщины.

Пан Чухлиб укоряет меня за то, что я не раскрыла в книге свое отношение к терминам. Это было сделано совершенно умышленно, так как иначе поневоле оказалась бы втянутой в дискуссию о характере и итогах событий 1648–1657 гг, что выходило бы за хронологические рамки моей монографии. О терминологии много сказано в автореферате моей докторской диссертации, а также в материалах научной конференции, состоявшейся в мае 2004 года в Санкт-Петербурге⁴.

Что касается термина «Руина», которого я действительно придерживаюсь, то он вовсе не «призабытый», и я не претендую на лавры чуть ли не единственного его приверженца (по крайней мере — на настоящем этапе). На самом деле «Руина» — термин хотя и спорный (все термины «хромают»), но весьма широко употребляющийся. Позволю себе заметить, что используемый паном Чухлибом термин «украинская национальная революция» тоже признан далеко не всеми историками — даже в Украине, не говоря уже о России и Западе, где он просто не употребляется.

Начиная дискуссию о терминологии, необходимо отметить объективное существование различных подходов и задач в украинской и российской историографиях: в Украине имеется необходимость в политической концепции национальной истории, а для России важно разобраться в причинах былых русско-украинских конфликтов. История — это политическая наука, и мы с нашими украинскими коллегами всегда в той или иной степени будем смотреть на одни и те же вещи с разных точек зрения.

Если же говорить о чисто научной стороне вопроса, то прежде всего следует определиться, что мы имеем в виду: термин или название периода. Ненаучные названия периодов широко применяются в исторической науке. Достаточно вспомнить «Смуту» в российской истории (как бы это название не критиковали, оно доминирует в современной российской историографии)⁵, «Потоп» в польской. Вряд ли можно найти глубокий научный смысл в общепризнанных терминах «Возрождение», «Ежовщина» и т. д.

Название «Руина», как характеристика происшедших событий, появляется еще в XVII веке. Иван Сирко уже в 1667 году писал о «руине оплаканной нашей отчизны»⁶. Известно выраже-

ние Мазепы про несчастье Украины, которую «огнем, мечем руїнують»⁷. В начале XVIII века термин «Руина» появляется в украинских летописях (например, у С. Величко). В научной историографии первым это обозначение периода использовал Н. Костомаров, после чего термин становится широко распространенным. Его придерживался М. Грушевский, равно как и лидеры следующего поколения украинской школы — И. Крипякевич, Н. Полонская-Василенко, Д. Дорошенко. Крипякевич, в частности, характеризовал «Руину» как «период гражданской войны»⁸. В советский период разговор о «руине» считался крамольным, так как не вписывался в схему «братской любви», наступившей после «воссоединения России с Украиной». Например, еще в 1992 году автор этих строк была изгнана из стен ЛГУ за употребление этого самого термина в названии своей кандидатской диссертации. В настоящее время современные западные ведущие специалисты по истории Украины, такие как О. Субтельный, З. Когут, Ф. Сын — широко используют термин «Руина». Это относится и ко многим польским историкам, например, можно назвать В. Серчика, И. Граля и др.

В Украине наряду с принципиальными противниками «Руины» (В. Горобец, Т. Чухлиб) имеются и активные сторонники⁹. Таковыми, например, являются Ю. Мыщык, Д. Наливайко.

Рецензент укоряет меня в том, что в первой монографии я подчеркивала социальные причины «Руины», а во второй — ее политический характер, и видит в этом противоречие (с. 490.). Но такой подход представляется мне совершенно логичным, так как в первой книге рассматривались причины «Руины», а во второй — сущность. И в этом смысле как раз социальный аспект событий в Украине, о котором я постоянно пишу, и который систематически игнорируют некоторые мои коллеги, имеет ключевое значение. Речь идет об образовании анархо-разрушительной силы на базе Запорожья и показаченных как наследия глобальных социальных потрясений Хмельниччины. Именно этот фактор во многом и привел к политической руине Гетманщины. Столкнувшись с выступлениями против своей власти, против административной системы Гетманщины, гетманы, начиная с И. Выговского, были вынужде-

ны искать внешней поддержки. Именно на недовольные группы «показаченных» опирались те старшины, которые боролись за булаву (Пушкарь, Брюховецкий и др.). И именно внутренние смуты, ослабление позиции гетманов и их вынужденная опора на внешнюю силу создали благоприятную ситуацию для открытого вмешательства во внутренние дела Гетманщины Москвы, Речи Посполитой и других заинтересованных стран.

Пан Чухлиб считает, что я не признаю «революционности изменений», происшедших в Украине (с. 491.). Революционные изменения имели место в годы Хмельниччины (прежде всего, в 1648 году) и были мной проанализированы в моей первой монографии на основе кропотливых математических подсчетов. Эти мои подсчеты позволили сделать вывод, что абсолютное число сел на Левобережье в результате восстания Б. Хмельницкого стало свободными (от 50 до 90 % в разных полках), а казаками себя считали от 50 до 77 % населения¹⁰. Однако революционность характера изменений отнюдь еще не означает революции. «Revolt» и «Revolution» — термины очень разные, хотя и произошедшие от одного корня.

Мне не хотелось бы втягиваться в дискуссию о правомочности термина «революция» по отношению к событиям восстания Б. Хмельницкого (к чему меня невольно призывает п. Чухлиб, плавно уходя от «Руины» к «революции»). В последнее время об этом термине разгорелась серьезная дискуссия. Как мне представляется, для объективной оценки здесь необходимы знания событий английской и нидерландской революций (которыми я не обладаю). И именно путем сравнительного анализа за круглым столом специалистов различных областей знаний можно было бы выйти на научную оценку событий.

Я отнюдь не утверждаю, что «институты, возникшие во время революционных событий» (с. 492.), исчезли в годы «Руины». Но разве можно сравнивать гетманскую власть Богдана Хмельницкого и, например, его сына Юрия? Разве можно сравнивать территорию Гетманщины 1649 года и 1663? Казацкую армию времен Хмельниччины или времен Самойловича? Не менее печальные выводы вызывает и сравнение того отношения, которое Гет-

манщина вызывала у своих соседей до и во время «Руины». Отсюда и коренное отличие Мартовских статей 1654 года и Московских 1665, Гадячского договора 1658 года и Слободищенского 1660. С горечью и печалью смотрели современники на то, как «самі себе звоювали». Любые попытки завуалировать трагические события второй половины XVII века советской схемой «братской любви и дружбы» или национальной схемой «победоносной революции» обречены на неудачу при первом же столкновении с фактами.

Мне не ясна логика пана Чухлиба, почему после «Руины» должна была последовать «окончательная руйнация» и исчезновение институтов Гетманщины. Кризис далеко не всегда ведет к катастрофе. Как раз наоборот, после трагичных событий на Левобережье начинается период стабилизации — политической и экономической, а затем расцвета. Длительные гетманства И. Самойловича и И. Мазепы — прекрасные тому примеры. После окончания внутренней борьбы за власть начинается усиление гетманской администрации, экономический и культурный подъем края. Именно поэтому гетманство Мазепы, когда все эти процессы уже набрали силу, на мой взгляд, представляет собой другой этап в истории Украины (этот мой тезис, по мнению Т. Чухлиба, «не витримує критики» (с. 501). На самом деле верхнюю временную границу «Руины» сложно обозначить определенной датой. Для Левобережья она проходит где-то в начале 80-х годов XVII века, когда обострение внутренней ситуации в Москве (начало периода «стрелецких бунтов») позволило И. Самойловичу усилить свою власть. Другое дело — Правобережье. И тут я совершенно не согласна с тезисом, что в 1704–1708 гг. «украинская держава снова была объединена» (с. 492.). Это явное преувеличение. Вступление войск Мазепы в правобережные имения польских магнатов отнюдь не означало реставрацию гетманских институтов на этой территории. Все попытки Мазепы добиться от Петра передачи Правобережья под его власть увенчались неудачей, что во многом и спровоцировало его переход к шведам. Недавно обнаруженная переписка Мазепы с ведущими деятелями петровской эпохи («Батуринский архив») служит яркой иллюстрацией этих реалий.

В заключение хотелось бы призвать коллег к продолжению открытой дискуссии по спорным вопросам терминологии истории Украины казацкого периода — как к заочной, так и в рамках круглых столов.

---

¹Чухліб Т. «Руїна» Гетьманщини чи боротьба за утвердження Української козацької держави? // Україна в Центрально-Східній Європі. — Вип. 4. — К., 2004. — С. 473–506.

²Между прочим, не очень понятно, почему, включив в этот список с русской стороны М. Павлицева, И. Галактионова и Г. Санина, Т. Чухлиб не упомянул М. Соловьева.

³Он ссылается на работы В. Горобца, Н. Савчук и свои. — С. 484.

⁴Яковлева Т. Г. Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века. Внутренние и внешние факторы Руины: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2004.; Украина и соседние государства в XVII веке // Материалы международной конференции. — СПб., 2004.

⁵Можно, например, сослаться на новейшие работы Р. Г. Скрынникова: Борис Годунов. — М., 2003., и др.

⁶РНБ, отд. рукоп. — Ф. 971. — Авт. 152. — № 81.

⁷Іван Мазепа. — К., 1992. — С. 110.

⁸Крип'якевич І. (І. Холмський). Історія України. — Нью-Йорк; Мюнхен, 1949. — С. 229.

⁹См.: «Руїна» // Українське козацтво. Мала енциклопедія. — К., 2002. — С. 431–434.

¹⁰Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття: причини і початок руїни. — К., 1998. — С. 67, 77 и др.